

УДК: 327

DOI: 10.24412/2311-1763-2022-2-11-11

Поступила в редакцию: 19.01.2022 г.

Submitted: January 19, 2022

Опубликована: 11.04.2022 г.

Published online: April 11, 2022

Для цитирования: Шарафутдинов Д. Р., Хасанова К. Э. Компаративный анализ наркополитики Российской Федерации, Мексики и Португалии // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 2(31). С. 11-11. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-2-11-11>.

For citation: Sharafutdinov D. R., Khasanova K. E. Comparative study of drug policies of the Russian Federation, Mexico and Portugal. – *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2022;10(2):11-11. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-2-11-11>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2022 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2022 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Оригинальная статья

Компаративный анализ наркополитики Российской Федерации, Мексики и Португалии

Денис Радиевич Шарафутдинов ¹ ✉, Карина Эдуардовна Хасанова ²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8897-8593>, e-mail: sfincs_88@mail.ru

² Дипломатическая академия МИД России,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6679-2045>, e-mail: khasanova.k@list.ru

Аннотация:

Статья посвящена установлению эффективности мер различных подходов к наркополитике посредством проведения компаративного анализа опийного наркорынка. Учитывая тот факт, что в современном научном дискурсе неотъемлемую часть изучения динамично развивающихся процессов составляет компаративный анализ, в данном исследовании он будет применен в качестве описания сходств и различий наркосцены

Российской Федерации, Мексики и Португалии. В противовес Российской Федерации, которая не в меньшей степени испытывает урон от потока опиатов, Мексике и Португалии удалось адаптировать гораздо более гуманную концепцию противодействия наркотрафику, в связи с чем положительный опыт этих стран заслуживает особого внимания в поиске сложных балансов интересов личности и государства. В долгосрочной перспективе признание напряженности в мировом режиме наркоконтроля должно привести к модели правового регулирования наркорынка, поскольку, перейдя в режим законного производства, наркокультуры станут частью более широкого дискурса устойчивого совершенствования многих сфер, подконтрольных наркополитике. Научная новизна данной статьи обуславливается междисциплинарным подходом в изучении проблемы, а также представлением комплексного анализа подходов к наркополитике трех стран, которые формировались в разных исторических и социально-политических контекстах, но были необходимы каждому из этих государств, охваченных наркоэпидемией. Обширный мировой наркотический рынок, в целом, породил множество политико-экономических парадигм, целью которых является структурирование и регулирование наркорынка, однако дискуссии на предмет резонности их применения не теряют своей значимости. В конечном итоге, именно совокупность характеристик на социально-экономическом, политическом и правовом уровнях, присущая той или иной стране, определяет, насколько уместной окажется карательная или некарательная модель наркополитики для менталитета конкретного государства.

Ключевые слова:

наркополитика, декриминализация, противодействие наркотрафику, наркорынок, опиат, психоактивные вещества, лечение наркозависимых, иберо-американский мир, Российская Федерация

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2020 г., ежегодно подготавливаемого УНП ООН, в 2019 г. число лиц, употребляющих опиаты увеличилось на 56%, что составляет 53 млн человек, из них 30,4 млн являются стабильными потребителями героина. Общее количество наркозависимых оценивается экспертами в 275 млн человек в возрасте от 15 до 64 лет, что в пересчете на процентное соотношение будет составлять 5,4% от всего населения планеты. Динамика десяти последних лет показывает, что прирост количества наркозависимых на 22% оказался неизбежен [21, р. 14]. Опираясь на последние тенденции по линии спроса-предложения на запрещенные вещества, исследователи не дают утешительных прогнозов об уменьшении количества наркопотребителей в мире. Будь то разовое или регулярное соприкосновение с психоактивными веществами, оно так или иначе несет за собой череду рисков, – распространение ВИЧ-инфекции через внутривенное употребление наркотиков, высокий процент летальных исходов от передозировок и иные пагубные последствия как для физического, так и психического здоровья.

Подобная статистика, отражающая углубление проблемы глобальной наркотизации населения, складывается на фоне применения исключительно лишь конвенциональных механизмов борьбы со злоупотреблением наркотиков, которые продиктованы логикой политики прогибиционизма. Это давно устоявшаяся норма, которой следуют большинство стран, в том числе и Российская Федерация [15]. Только у малой части населения она вызывает сомнения в ее эффективности и целесообразности. Причин, по которым данный подход стал условно единственно верным несколько. В первую очередь, запрет психотропных и наркотических веществ – это, согласно официальной позиции стран, панацея от всех разрушительных эффектов, которые приносит за собой их распространение. Во-вторых, карательная политика в отношении наркопотребителей должна показывать высокую эффективность, поскольку эта концепция основана на страхе населения отвечать по всей строгости закона за употребление/хранение/распространение наркотических веществ. Тем не менее архитектура запрета неминуемо будет порождать зеркальную архитектуру обхода этого запрета, – процесс, который мы можем наблюдать наиболее ярко.

В середине 1980-х гг. Португалия, открывшая свои ворота сразу для двух маршрутов – «северного» и «балканского», не была готова к огромному количеству героина, заполнившего ее улицы. По праву окрещенная «героиновой столицей Европы», Португалия оказалась в глубоком и затяжном опиоидном кризисе. Пережив все последствия массовой наркозависимости населения, Португалия при втором сроке президентства Жорже де

Сампайю декриминализовав употребление наркотических веществ, фактически стала феноменом мировой наркополитики [19]. В этом смысле представляется особенно важным изучение уникального португальского опыта в борьбе с наркотизацией граждан государства.

Традиционно ассоциирующаяся с кокаиновыми наркокартелями Мексика, согласно Всемирному докладу ООН по наркотикам, в действительности является вторым в мире производителем опия после Афганистана с неуклонно растущей площадью полей опийного мака [10]. В изнуренной длительной нарковойной Мексике, социально-экономическое положение оставалось критическим. Непрекращающиеся насилие и жестокость по обоим «фронтам» этой войны в конечном итоге заставили по парадоксальному совпадению развязавшего этот вооруженный конфликт Фелипе Кальдерона пойти на беспрецедентный шаг – принять нормативно-правовой акт, согласно которому жителям страны позволялось хранить и транспортировать наркотические вещества [1]. Тем не менее, вопрос о том, насколько данные меры оказались эффективными остается дискуссионным.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕЖИМОВ НАРКОКОНТРОЛЯ

Преследуя единую глобальную цель как минимум сокращения наркооборота, а как максимум его полного искоренения, а также устранения последствий употребления психоактивных вещества (далее – ПАВ) населением, все государства, в целом, делятся на два лагеря карательного и некарательного подхода к решению данных задач [4]. Компаративный анализ моделей борьбы с мировой наркоиндустрией представляется логичным провести на примере опыта Российской Федерации с присущей ей репрессивным характером наркополитики, а также Португалии и Мексики, на территории которых широкое распространение получил процесс декриминализации различного генеза. Эффективность того или иного пути будет определяться в трех измерениях:

1. идеологическом;
2. социально-экономическом;
3. правовом.

Эти компоненты общественно-политической жизни позволяют не только максимально полно рассмотреть проблему наркотизации населения в странах, но и демонстрируют причинно-следственную связь принятых решений властей по отношению к наркотикам.

На сегодняшний день Российская Федерация вряд ли сможет разделить оптимистические взгляды на наркоконтроль таких организаций как Глобальная комиссия по вопросам наркополитики [3], Международная организация по снижению вреда [18], Альянс по наркополитике, Евразийская сеть снижения вреда [12] и прочих подобных акторов международной наркополитики, даже несмотря на то, что они являются своеобразными сборниками передовых практик в данной области. Объективных причин, породивших сложившуюся ситуацию, можно выделить несколько.

В первую очередь, социокультурные реалии и уникальный российский ментальный код, не приемлющий «вестернизацию» в какой бы то ни было форме, еще не адаптированы к переосмыслению проблемы массовой наркотизации населения. Якорем, удерживающим страну от системных реформ, является стигматизация употребления наркотических веществ. Традиция порицания этой сферы социальных отношений настолько сильно укоренилась как на уровне общественного сознания, так и на уровне государственного законодательства, что устранение этого стереотипа может потребовать смены далеко не одного поколения.

Следующим фактором, объясняющим положение Российской Федерации на международной наркоарене, становится применение уже хорошо знакомой истории нашего государства концепции «особого пути развития России». В отношении выбора стратегии наркоконтроля Российская Федерация, не примыкая ни к либеральным правовым нормам в отношении наркотиков, ни к суровому законодательству таких стран как Иран, Малайзия или Тайланд, находится посередине между двумя полярными системами, показывая, тем не менее, тенденцию к ужесточению наркополитики. Примером этого явления может стать инициатива МВД России ввести уголовную ответственность за «пропаганду наркотиков» с максимальным наказанием в виде лишения свободы сроком от двух до пяти лет [17].

Профильные государственные структуры, ведомые «особым путем» российской наркополитики, едва ли способны привести точные статистические данные о количестве наркопотребителей, зато в одном они уверены точно, – метадоновой и бупренорфиновой заместительной терапии в России не место. Позиция Минздрава России в отношении заместительной поддерживающей терапии (далее – ЗПТ) звучит следующим образом: «ЗПТ...основана на парадигме некурабельности (неизлечимости) опиийной наркомании, принципиальной невозможности добиться полного прекращения употребления наркотических средств» [11]. На стороне Минздрава России оказался также и Европейский суд по правам человека, отказав в 2019 г. признавать законным введение метадоновой заместительной терапии для российских наркозависимых. Постановление ЕСПЧ со знаком минус для российских наркопотребителей крайне сложно охарактеризовать как однозначное: во-первых, метадоновая терапия признана ВОЗ в качестве «лучшего из существующих» способов реабилитации наркозависимых, а, во-вторых, ЗПТ применяется во многих странах, которые попадают под юрисдикцию ЕСПЧ. Одно из объяснений такого решения международного судебного органа кроется в комментарии российского судьи Дмитрия Дедова, – он считает, что использование метадона на территории Российской Федерации «приведет к хаосу» ввиду распространенности коррупционных схем, обширной, а следовательно, сложно контролируемой территории страны, резко отрицательного имиджа наркотических веществ, – все это «не позволило бы привести в равновесие интересы личности и общественные интересы» [5].

Роль Российской Федерации как антагониста программ снижения вреда от наркотиков, а тем более декриминализации с течением времени лишь сильнее закрепляется за страной [16], в то время как восприятие данной проблемы Мексикой и Португалией имеет яркую тенденцию к пересмотру и совершенствованию уже принятых стратегий. Два иберо-американских государства, Мексика и Португалия, разделяющие этнолингвистическую общность и культурную идентичность, принадлежащие к одному геоэкономическому региону, сошлись также и в определении курса наркополитики. Однако, синхронизация позиций стран в отношении психоактивных веществ вряд ли связана с их географической принадлежностью, поскольку как исторический контекст, так и мотивы принятых решений по отношению к наркотикам на правительственном уровне у Мексики и Португалии, очевидно, различались.

С открытием португальских рынков сбыта, наркоторговцы наладили стабильные поставки в страну марокканских и афганских каннабиноидов и опиатов по «балканскому» и «северному» маршрутам, латиноамериканского кокаина и голландских «марок» с лизергиновой кислотой. Несмотря на широкий выбор изменяющих сознание веществ, свое предпочтение португальцы отдавали, в основном, инъекционному диацетилморфину. Итогом двадцатилетнего массового наркотизма стала высокая криминогенная обстановка в стране, низкая социальная ответственность граждан, безработица, растущее количество преждевременных смертей от передозировок, распространение гепатита С и ВИЧ-инфекции в процентном соотношении 104,2% на 1 млн человек к 2000 году [19].

Развитие научного подхода к пониманию зависимости и толерантное отношение к этому социальному феномену увенчалось официальным предложением конституционного судьи Руя Перейры в 1996 г. внести изменения в уголовный кодекс, которые исключали бы тюремное наказание за употребление и хранение наркотиков для личного пользования. Основным аргументом Перейры в пользу законодательной реформы был вопрос этики, которая, по его мнению, отсутствовала в концепции уголовного наказания граждан за употребление того или иного ПАВ. Что касается количественно допустимого объема наркотических веществ, разрешенных к хранению, то в зависимости от действующего вещества оно менялось: так, для каннабиса установлен предел в 25 г, для гашиша в 5 г, MDMA – 1г, ЛСД – 500 мкг, кокаин – 2 г. и по 1 г для амфетамина и героина [9].

К 2016 г. Португалии удалось достичь рекордно низкого показателя распространения ВИЧ-инфекции, связанного с инъекционным употреблением наркотиков, – оно составило 1,5% в общей структуре передачи вируса [13]. Кроме того, статистические данные указывают на увеличение возраста первичного приема наркотических веществ, который теперь составляет не привычные для Португалии 13-14 лет, а 16-17 [9]. Положительные результаты авангардной португальской наркополитики невозможно объяснить лишь законодательными изменениями, – скорее метаморфозы внутри общества и породили тенденцию к декриминализации, то есть, в случае с Лиссабоном движение шло не сверху вниз, а снизу вверх. Одну из ключевых ролей в становлении португальской наркоконцепции сыграл национальный культурный сдвиг, в корне изменивший отношение

общества к наркотикам в сторону терпимости к жизненным реалиям, бок-о-бок идущим с психоактивными веществами [20, p. 13].

В отличие от Португалии, в которой процесс переориентации полиции на поимку крупных контрабандистов воспринимался как положительный «побочный эффект» декриминализации, для Мексики он стал одним из основных поводов разрешить на законодательном уровне хранение наркотических веществ для личного потребления. Сегодня в масштабе мировой опиумной олигополии Мексиканские Штаты занимают почетное второе место, уступая лишь Афганистану, а качество мексиканского героина превалирует над колумбийским [2, p. 33].

Мексиканский опыт «войны с наркотиками», перенятый у «старшего соседа» эпохи Ричарда Никсона показал, насколько несостоятельной была попытка развязывания кровопролитного противостояния правительственных сил и наркокартелей в условиях, где организованная преступность не противопоставляется государству, а является его альтернативой. Непрерывающийся передел сфер влияния картелей, увеличение числа самых могущественных из них с 6 до 12 в период с 2006 по 2010 гг., применение двустороннего насилия (к 2014 г. число убийств достигло 60 тыс.) [7, p. 182] и слабые государственные институты Мексики привели к объявленному в 2018 г. президентом Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором окончанию вооруженного конфликта между правительственными войсками и наркокартелями. Однако еще задолго до этого момента в 2008 г. Фелипе Кальдерон подписывает закон о разрешении хранения и транспортировки 2 г опия, 50 мг героина, 5 г марихуаны, 0,5 г кокаина, 40 мг метамфетаминов и 15 мкг ЛСД. Эта мера, по мнению мексиканских властей, должна была остановить преследование наркозависимых, не связанных с криминальными группировками [1]. В отличие от своего предшественника Лопес Обрадор пошел еще дальше в своих намерениях: «Мы хотим мира, и мы его добьемся», – заявляет президент. Он выдвинул предложение о легализации марихуаны и культивирования опийного мака, средства от продажи которых должны быть направлены на лечение наркозависимости в стране [14].

Резко негативная коннотация феномена наркозависимости в современной России определяет главное отличие отечественного подхода к лечению аддикций от португальского и мексиканского. Глубоко укорененное в сознании российского общества негуманное представление о потребителях ПАВ как о людях, недостойных доверия, неспособных выполнять свои профессиональные обязанности, ассоциирующиеся с безответственностью и праздностью, привели к яркому проявлению этатизма в формировании наркополитики. Лейтмотивом восприятия наркопотребителей «героиновой столицей Европы» является толерантность и видение данной проблемы лишь сквозь призму обеспечения достойного уровня здравоохранения, а не с точки зрения правового статуса потребителей.

Избежав политики прогибационизма в отношении наркотиков, Португалия так и не закрепила за собой статус «героиновой Мекки», напротив, как ни парадоксально, она преодолела экономическую стагнацию и социальную дезинтеграцию, вызванную опиоидным «параличом». По словам одного из авторов программы декриминализации Жоау Каштеля-Бранку Гоулау: «Важнейшим фактором, приведшим ко всем тем положительным тенденциям, которые мы наблюдаем в Португалии после декриминализации является отсутствие общественной стигмы наркозависимых: мы дали им возможность выговориться и обратиться за квалифицированной медицинской помощью» [9]. За десятки лет португальского успеха социально-экономическая ситуация в стране, улучшающаяся из года в год, оправдывает экономическую теорию, разработанную А. Литтлом, Дж. Кохом и С. Группом еще в 1970-х гг., которая гласит о том, что спрос на наркотики стабилен и неэластичен по цене, а потому снижение предложения на них не будет эффективным. По мнению американских ученых, от репрессивной наркополитики, приводящей только лишь к увеличению цены на психоактивные вещества, страдают не дилеры или потребители, а общество в целом [8].

Важной вехой в формировании политики Российской Федерации в отношении наркотиков в разрезе последних 5 лет стала ликвидация ФСКН и связанные с этим надежды на улучшение ситуации. Летом 2016 г. полномочия по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ были полностью переданы МВД России. Госнарконтроль в целом и его глава Виктор Иванов в частности неоднократно терпели критику в свой адрес за неэффективное выполнение своих функций, а также за «аппаратные игры в ближнем окружении Президента».

По предположениям ведущего аналитика по правам человека Канадской правовой сети ВИЧ/СПИДа, адвоката и кандидата юридических наук Михаила Голиченко: «С самого начала своей деятельности, а особенно с приходом Иванова, ФСКН обладала значительной независимостью в вопросах международного сотрудничества, благодаря чему могла интенсивно транслировать причудливую наркополитику Российской Федерации на международный уровень, например касательно перспектив внедрения заместительной терапии в России» [6]. Тем не менее, по прошествии 5 лет можно констатировать тот факт, что ни в краткосрочной ни в долгосрочной перспективе расформирование службы не изменило ни внутренней, ни международной линии наркополитики России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заимствование опыта декриминализации ПАВ Российской Федерацией у таких стран как Португалия и Мексика в ближайшей перспективе не стало бы релевантной мерой противодействия наркотрафику, – она скорее бы нанесла ущерб социально-экономической структуре государства, поскольку страна еще не готова к подобным радикальным мерам. Для этого, в первую очередь, необходимо подготовить устойчивую платформу. Ее компонентами должно стать толерантное отношение к наркозависимым, осознание того, что утопия «мир без наркотиков» вряд ли когда-нибудь станет реальным явлением и восприятие оборота наркотических веществ как неотъемлемой части интеграционных процессов.

В сценарии, где гибкие механизмы построения государственной наркополитики возобладают над консервативными, больше не будет возникать вопроса об обеспечении безопасности страны как по внутренним, так и по внешним границам. Она будет обеспечиваться «наркотической зрелостью» граждан.

Такая модель не приведет к исчезновению наркосцены или эпидемии ВИЧ-инфекции, зато будет способствовать искоренению сопутствующих процессов: детского труда на плантациях опиоидного мака в Афганистане и Мексике, преждевременных летальных исходов от передозировок и насилия, связанного с «войнами против наркотиков».

Список литературы

1. В Мексике легализовали хранение небольшого количества наркотиков. – [РИА Новости](#), 22.08.2009.
2. Гришина А. Е. Американская стратегия борьбы с наркотрафиком из Мексики. – Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10.
3. Доклад Глобальной Комиссии по вопросам наркополитики 2018 «Регулирование: ответственный подход к контролю над наркотиками». – [GCDP](#), 2018.
4. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 г. – [МККН](#), 2017.
5. ЕСПЧ отказался признать незаконным российский запрет на метадон для наркозависимых. Эффективность этой терапии признана ВОЗ. – [Meduza](#), 26.10.2019.
6. Есть ли жизнь после Госнарконтроля? – [TalkingDrugs](#), 19.08.2016.
7. Коробеев А. И., Лобач Д. В. Мексиканская организованная наркопреступность в XXI веке: состояние, структура, тенденции развития. – Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2.
8. Латов Ю. В., Алешкина Т. Н. Формальный анализ наркорынков Коппа П. – [Экономическая теория преступлений и наказаний](#). №3.
9. Окончен бой: как Португалия декриминализовала наркотики и к чему это привело. – [Furfur](#), 18.02.2015.
10. ООН: мир охватывает опиоидная эпидемия. – [BBC News](#), 26.07.2018.
11. Позиция Минздрава России в отношении заместительной опиоидной поддерживающей терапии. – [Министерство здравоохранения РФ](#), 14.03.2016.
12. Позиция по наркополитике Евразийской ассоциации снижения вреда. – [ЕАСВ](#), 2017.
13. Португалия ускоренными темпами движется к достижению целевых ориентиров в отношении ВИЧ до установленного срока – 2020 г. – Европейское региональное бюро ВОЗ. – [ЕРБ ВОЗ](#), 11.07.2018.
14. Президент Мексики объявил о прекращении "войны" против наркомафии. – [РИА Новости](#), 31.01.2019.
15. Россия может сэкономить триллион рублей, перестав наказывать наркопотребителей. – [Ведомости](#), 8.05.2021.
16. Смертность от наркотиков в России выросла на 60% на фоне пандемии. – [РБК](#), 18.07.2021.
17. Суверенный даркнет. – [Новая Газета](#), 29.10.2019.
18. HRI Annual Report 2020 [Ежегодный доклад Международной организации снижения вреда 2020]. – [HRI](#), 2020.
19. Portugal's radical drugs policy is working. Why hasn't the world copied it? [Радикальная наркополитика Португалии работает. Почему мир не берет с нее пример?]. – [The Guardian](#), 5.12.2017.
20. Portuguese drug strategy [Португальская стратегия по борьбе с наркотиками]. – [European Monitoring Centre for Drugs and Drug addiction](#).

Информация об авторах

Шарафутдинов Денис Радиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Хасанова Карина Эдуардовна, студентка магистратуры Дипломатической академии МИД России, кафедра международной и национальной безопасности, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Шарафутдинов Денис Радиевич, e-mail: sfincs_88@mail.ru

PUBLIC AND STATE SECURITY

Original Paper

Comparative study of drug policies of the Russian Federation, Mexico and Portugal

Denis R. Sharafutdinov ¹ ✉, Karina E. Khasanova ²

¹ Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8897-8593>, e-mail: sfincs_88@mail.ru

² The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6679-2045>, e-mail: khasanova.k@list.ru

Abstract:

The article is dedicated to the establishment of the effectiveness of various approaches to drug policy through a comparative analysis of the opium drug market. Taking into account the fact that comparative analysis is considered to be an integral part of the study of dynamically developing processes in the modern scientific discourse, in this study it will be applied as a description tool of the differences and similarities in the drug scene of the Russian Federation, Mexico and Portugal. As a counter to the Russian Federation, which is affected by the opiates flow just as much as Mexico and Portugal, these two countries managed to implement a more humane conception of drug trafficking countermeasures. That is why these successful practices deserve a special focus in searching complex balances between the interests of government and an individual. Recognition of existing tensions in the world drug control regime should lead to the model of the legal drug market regulation. When drug crops become part of a legal farming, it will provide for a broader scientific discourse of sustainable improvement of many areas controlled by drug policy. The vast world drug market in general has triggered off a plethora of politico-economical frameworks, which are all aimed at structuring and regulating of the drug market, although the debate on an issue of their appliance is still relevant. One of the more significant elements in the long run is a sum of characteristics of the state on the socio-economic, political and legislative levels, which determines how appropriate the punitive or non-punitive drug policy model will be for the mentality of a certain country.

Keywords:

drug policy, decriminalization, drug trafficking countermeasures, drug market,
opiate, psychoactive substances, treatment of drug addicts,

References

1. V Meksike legalizovali khranenie nebol'shogo kolichestva narkotikov [Possession of a small amounts of drugs has been legalized in Mexico]. – [RIA Novosti](#), 22.08.2009. (In Russ.).
2. Grishina A. E., 2017. Amerikanskaya strategiya bor'by s narkotrafikom iz Meksiki [American strategy of the fight against drug trafficking from Mexico]. – *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*. 2017. №10. (In Russ.).
3. Doklad Global'noi Komissii po voprosam narkopolitiki 2018 «Regulirovanie: otvetstvennyi podkhod k kontrolyu nad narkotikami» [Annual Report of The Global Commission on Drug Policy 2018 «Regulation – the responsible control of drugs»]. – [GCDP](#), 2018. (In Russ.).
4. Doklad Mezhdunarodnogo komiteta po kontrolyu nad narkotikami za 2017 g. [International Narcotics Control Board Annual Report 2017]. – [INCB](#), 2017. (In Russ.).
5. ESPCh otkazalsya priznat' nezakonnym rossiiskii zapret na metadon dlya narkozavisimykh. Effektivnost' etoi terapii priznana VOZ [European Court of Human Rights refused to recognize the Russian ban on methadone for drug addicts as illegal. The effectiveness of this therapy is recognized by WHO]. – [Meduza](#), 26.10.2019. (In Russ.).
6. Est' li zhizn' posle Gosnarkokontrolya? [Is there life after the Federal Drug Control Service of Russia?]. – [TalkingDrugs](#), 19.08.2016. (In Russ.).
7. Korobeev A. I., Lobach D. V., 2014, Meksikanskaya organizovannaya narkoprestupnost' v XXI veke: sostoyanie, struktura, tendentsii razvitiya [XXI century organized crime in Mexico: situation, structure, development trends]. – *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. 2014. №2. (In Russ.).
8. Latov Yu. V., Aleshkina T. N. Formal'nyi analiz narkorynkov Koppa P. [Formal analysis of drug markets by Kopp P.]. – [Ekonomicheskaya teoriya prestuplenii i nakazanii](#). №3 (In Russ.).
9. Okonchen boi: kak Portugaliya dekriminalizovala narkotiki i k chemu eto privelo [The fight is over: how Portugal decriminalized drugs and what are the consequences]. – [Furfur](#), 18.02.2015. (In Russ.).
10. OON: mir okhvatyvaet opioidnaya epidemiya [The UN: world is under opioid epidemic]. – [BBC News](#), 26.07.2018. (In Russ.).
11. Pozitsiya Minzdrava Rossii v otnoshenii zamestitel'noi opioidnoi podderzhivayushchiei terapii [Position of the Ministry of Health of the Russian Federation regarding substitution opioid maintenance therapy]. – [Ministry of Health of the Russian Federation](#), 14.03.2016. (In Russ.).
12. Pozitsiya po narkopolitike Evraziiskoi assotsiatsii snizheniya vreda [Position on drug policy of the Eurasian Harm Reduction Association]. – [EHRA](#), 2017. (In Russ.).
13. Portugaliya uskorennymi tempami dvizhetsya k dostizheniyu tselevykh orientirov v otnoshenii VICH do ustanovlennogo sroka – 2020 g. // Evropeiskoe regional'noe byuro VOZ [Portugal on fast track to achieve HIV targets ahead of 2020 deadline // WHO Regional Office for Europe]. – [WHO/Europe](#), 11.07.2018. (In Russ.).
14. Prezident Meksiki ob'yavil o prekrashchenii «voiny» protiv narkomafii [The Mexican President announced the end of the «war» against drug mafia]. – [RIA Novosti](#), 31.01.2019. (In Russ.).
15. Rossiya mozhet sekonomit' trillion rublei, perestav nakazyvat' narkopotrebitelei [Russia can save trillion rubles if it stops punishing drug users]. – [Vedomosti](#), 8.05.2021. (In Russ.).
16. Smertnost' ot narkotikov v Rossii vyrosla na 60% na fone pandemii [Drug-related deaths in Russia have increased by 60% amid the pandemic]. – [RBK](#), 18.07.2021. (In Russ.).
17. Suverennyi darknet [Sovereign darknet]. – [Novaya Gazeta](#), 29.10.2019. (In Russ.).
18. HRI Annual Report 2020. – [HRI](#), 2020. (In Eng.).
19. Portugal's radical drugs policy is working. Why hasn't the world copied it? – [The Guardian](#), 5.12.2017. (In Eng.).
20. Portuguese drug strategy. – [European Monitoring Centre for Drugs and Drug addiction](#). (In Eng.).
21. World Drug Report 2020 UNODC. – [United Nations World Drug Report 2020](#) (In Eng.).

Information about the authors

Denis R. Sharafutdinov, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Department of international relations, world politics and diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Karina E. Khasanova, 2nd year master student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of international and national security, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Denis R. Sharafutdinov, e-mail: sfincs_88@mail.ru
